

2. Гольман И. А. Практика рекламы / И. А. Гольман, Н. С. Добробабенко. – Новосибирск : СП “Интербук”, 1991. – 142 с.
3. Панкратов Ф. Г. Рекламная деятельность / Ф. Г. Панкратов, Ю. К. Баженов, Т. М. Серёгина, В. Г. Шахурин. – М. : Маркетинг, 2001. – 364 с.
4. Песоцкий Е. Современная реклама. Теория и практика / Е. Песоцкий. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. – 320 с.
5. Уэллс У. Реклама : теория и практика / У. Уэллс, Дж. Бернет, С. Мориарти. – СПб : Питер, 1999. – 736 с.

ОБРАЗЫ ПРАВДЫ И КРИВДЫ В СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ И ТЕКСТАХ

ТИХОМИРОВ С. А.

Московский педагогический государственный университет

Отметим, что Правда и Кривда – в славянской мифологии и легендарном сказительстве – одно из основных выражений главного противопоставления, оппозиции типа доли – недоли. По-видимому, оба образа/понятия до определенной степени связаны с т. н. “народным христианством” и имеют в своей основе религиозно-дуалистические корни.

Еще А. Н. Веселовским указано [1] на возможную связь славянских образов Правды и Кривды с т. н. “отреченными” книгами, с легендами богомилов, катаров (патаров), с гностическими и манихейскими практиками.

В понятиях т. н. “Святой Руси” образы Правды и Кривды встречаются в сказках, преданиях и духовных стихах, где они являются выражением главного духовного противоречия, столкновение противоположных начал – Божественного и сатанинского, доброго и злого, света и тьмы, доли и недоли.

Наиболее отчетливо образы Правды и Кривды отразились в т. н. “Глубинной книге” (или “Голубиной”): *Это не два зверя собиралися, / не два лютые собегалися: / Это Правда с Кривдой соходилася, / Промежду собой они билась-дрались./ Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса / ... А Кривда пошла у нас вся по всей земле.* Хотя в окончательной редакции этого сюжета в “Голубиной книге” сказалось влияние христианства, не подлежит сомнению, что истоки этого текста восходят к глубокой языческой древности.

Образы Правды и Кривды можно встретить в некоторых славяно-русских крестных сказаниях как несомненно органично родственные нашей литературной старине, это вполне можно заключить из сведений славяно-русских духовных стихов и былин. Так, например, как отмечает Веселовский А. Н.: “у Готфрида из Витербо, в “Legenda aurea” и др., последнее из райских деревьев найдено не в Эдеме, а на Ливане; поэтому его могли назвать выросшим на Ливане, ливанским, леванитовым. Это и есть т. н. “леванитов крест”; по общему поверью, на этом именно дереве распяли Христа: и “распеше Христа на дрѣве, иже отъ глави ядамови играѣте”, что объясняет

известную символику распятия, у подножия которого помещают обыкновенно мертвую голову” [1].

Средневековая философия и фантазия вносили, таким образом, в историю образов Правды и Кривды своеобразную идею единства, связывая повесть грехопадения с повестью искупления, Эдем с Голгофой, делая из дерева, которое было поводом к греху первого человека, орудие его спасения. Глубинный стих, на который мы указывали выше, а точнее – апокрифический текст, легший в основу т. н. “Голубиной книги”, вводит в эту онтологическую трактовку новый элемент, очевидно под влиянием иноверных для православного сознания представлений: образ райского дерева, ставшего крестом, данная трактовка переносит с Голгофы на Фавор: на нее выпадает Глубинная книга, “ко честной главе ко Адамовой”, “у чудного креста леванитова”; в былинах о смерти Василия Буслаева “пуста-голова, человечья кость”, лежащая на Фавор-горе (или Сорочинской), – это также и Адамова голова, а весь рассказ о смерти в данной части, по-видимому, основан на заключении русского апокрифа о крестном древе, где говорится, что Соломон нашел Адамову голову, которую, по громадной величине (гиперболизированный признак), отрок принял за камень. Василий Буслаев, встретив на дороге пустую голову, пнул ее прочь; она провещилась человеческим голосом и напороочила смерть, которую он и находит, скача вдоль через высокий камень, очутившийся на месте головы [1].

Очень характерно это смешение Голгофы с Фавором в белорусской редакции стиха о Глубинной книге: Христос не только преобразился на Фаворе, но и “на распятии был”: *И тьякла руда на коренийцу / Со яво руды кора выросла, / И брали кору по вси попам, / По всим попам по поповичам, / По всим царквам по царковачкам.*

В данном случае мы сталкиваемся со средневековым христианским символизмом на славянской почве, привязанным, по-видимому, к легенде о крестном древе уже в трактовках Тертуллиана и блаженного Августина: кровь Спасителя не только искупляла греховность человечества, но и образно смывала грех прародителя, капая на его голову, которая представлялась лежащей у подножия креста. Остается неясным только загадочное растение, вырастающее от божественной крови Спасителя. Здесь канва первых редакций духовного стиха, вероятно, либо испорчена, либо изменена, либо дополнена неясной “врезкой”, заменившей какое-нибудь другое название. К примеру, в одной греческой легенде о нахождении честного Креста рассказывается, что на месте, где некие евреи умышленно закопали крест Спасителя, выросла трава, “пахучая и врачующая”. Это *ocimum basilicum*, современный базилик, душики, малороссийские васильки, которые в народной русской (и славянской) обрядности до сих пор связаны с культом креста: их кладут в церквях под распятие, делают из них кропило, откуда, может быть, и одно из старинных названий кропила – *василок*. И в этом смысле их действительно берут “*по попам, по поповичам, по церквам, по церковачкам*”. Как отмечает Веселовский А. Н.: “Это один из хороших образчиков того, как литературное содержание легенды может не только переходить в обряд, но и становиться неотъемлемою принадлежностью народно-поэтических воззрений. Другая

сторона народного творчества раскрывается нам в судьбах леванитова креста: я говорю о том явлении, что чем далее в обращении, тем более обезличивается первоначально конкретный образ, исчезает его историческое и местное приурочение, он становится общим местом, из собственного имени нарицательным. В Глубинной книге, в намеках былины о Василье Буслаеве, отношения леванитова креста к Фавору и крестной легенде еще ясны; в отрывках не то былины, не то духовного стиха, напечатанных в сборнике Кирши Данилова “Чуден крест Леванидовский”, является как нечто определенное, рядом с глубокими омутами днепровскими и высокими горами Сорочинскими. На Сорочинской же горе (то есть Фаворе) находится он и в былине о Михаиле Потыке. Но уже в стихе о сорока каликах он очутился под Киевом, кругом него становятся калики; с переходом его из духовных стихов в былину он показывается на всех богатырских росстанях; около него на Почай-реке стоят терема Чурилы Опленковича. Самое значение эпитета до того забыто, что являются даже луга Леванидовы и книга Аеванидова” [1].

Таким образом, т. н. “леванидов крест” утратил всякое специальное значение и стал синонимом креста, т.е. распятия как такового. Ср., например, с тем, что в житии Филиппа Иранского рассказывается про святого, который ехал по реке Выге и, сойдя с плота, “пошелъ въ гору, гдѣ ему ангель Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ Леванидову кресту надъ Лужаномъ озеромъ... И створилъ пришествіе к кресту къ Леванидову, и нача ся Христу молити подъ крестомъ Леванидовымъ по благовѣствованію ангела Господня, и преклонь колѣни, и нача ся молити Христу”.

Должно полагать, вероятно, что это – простое распятие, возможно с адамовой головой у подножья, заимствованной из древней легенды о райском древе.

Перейдем теперь к образам Правды и Кривды духовного стиха: они отсылают нас к т. н. “отреченной”, апокрифической легенде о царе Соломоне.

Некоторые из образов и текстов, например, о птице Страфиле и звере Индрике (инороге), могут быть объяснены лишь после более тщательного изучения с составом данного апокрифа, а также апокрифов духовных стихов интертекстуально “смежных” с ним.

В этом смысле очень интересно содержание вещей снов, вставленных в большую часть редакций Глубинной книги.

1. Сон о Правде и Кривде.

*Возговорил Володимир князь,
Володимир князь Володимирович:
Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыд Ессеевич!
Мне ночесь, сударь, мало спалось,
Мне во сне много виделось:
Кабы с той страны со восточной,
А с другой страны с полуденной,
Кабы два зверя собиралися,
Кабы два лютые собегалися,
Промежду собой дрались билися,
Один одного зверь одолет хочет.*

*Возговорил премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Ессеевич:
Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдой соходилася,
Промежду собой бились-дрались;
Кривда Правду одолет хочет,
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
К самому Христу, Царю Небесному;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по Свет-Русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася.*

В некоторых стихах образы Правды и Кривды в виде зверей предстают перед нами белым и серым зайцем:

*Кабы белой заец, кабы серой заец,
Кабы белой заец одолет хочет?
Как бы серой белого приодолел:
Бел пошел во чисто поле,
А сер пошел во темны леса, –*

или вместо них выступают двое юношей, Как отмечает Веселовский А. Н.: “толкование во всех случаях одно и то же; иногда аллегорические образы отсутствуют и во сне представляется” [1]:

*Будто Кривда с Правдой побивалася,
Будто Кривда Правду одолет хочет.*

Аполог о Правде и Кривде встретился уже в сказаниях о Соломоне, и, к примеру, Веселовский А. Н. [1] не раз указывает на его дуалистический характер, на его “связь с иранскими представлениями о святости правды, удалившейся на небо в образе птицы, когда Джемшид позволил себе ложное слово; наконец, на появление его в народных легендах и новеллах, почерпавших свои мотивы в отреченной литературе. Греховная сила Кривды остается царить на земле, которая по понятиям дуалистов находится под властью демона; Правда удалена на небо, в духовное царство доброго бога. Позднее с православной точки зрения первоначально дуалистический смысл аполога был понят иначе: вознесение правды на небо, “к самому Христу, царю Небесному”, представляется ее победой; в старинных русских изображениях Страшного Суда можно видеть, как “Правда Кривду стреляет, и Кривда пала со страхом”. В апологе соломоновской легенды такое толкование не заметно”.

В этом отношении показательны, что в “Беседе трех святителей”, составленной во многом по образцу древнейших “Вопросов Иоанна”, встречается та же загадка в форме, сохраненной Соломоновским сказанием на славянской почве: “Вопросъ: Что есть бѣль щить, а на бѣлѣ щитѣ заецъ бѣль: и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту саде? Отвѣтъ: Бѣль щить есть свѣтъ, а заецъ правда, а сова кривда”.

Заметим наконец, что романы, сказания и пр. о Мерлине и Соломоне, которые А. В. Веселовский самым подробным образом исследует на предмет (в том числе) апокрифических данных о Соломоне и Китоврасе, также начинается видением о борьбе двух зверей: борются красный и белый драконы, как в указанном выше тексте борются белый и серый заяц; когда один одолел другого, также дается аллегорическое толкование, с тою лишь разницею, что образы Правды и Кривды заменены другими историческими мотивами.

2. Сон о дереве.

Говорит царь Волонтоман (Владимир, Волот и т. д.) Давиду:

*Мне царю Волонтоману
Мало спалось, много во сне виделось;
Как в моем ли было зеленом саду
Выросло деревцо сахарное,
Из далеча из чиста поля
Прилетала пташечка малешечка,
Садилась на деревцо сахарное,
Распуцала перья до сырой земли:
Ужь ты можешь ли, царь, про то ведати?
Им ответ держал премудрый царь:
– Как тебе царю Волонтоману
Мало спалось, грозно во сне виделось,
В твоём ли было зеленом саду и т. д.*

Собственно далее по тексту дается аллегорическое толкование сна.

Нужно отметить, что образы Правды и Кривды в сходных мотивах повторяются и в тождественных пословицах разных славянских народов, возводимых к единой общеславянской традиции.

Образы Правды и Кривды можно встретить и русских народных сказках в обработке Афанасьева Александра Николаевича [4].

Противопоставление правды, правоты (и других производных от слав. *рравъ, “правый”) и неправоты, кривды пронизывает всю терминологию древнейших славянских предправовых и правовых текстов (типа “Русской Правды”, судебника XI в., само название которого содержит слово “правда” в древнем архаическом предправовом смысле).

Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в “Ригведе”, сходными мифологическими различиями в греческом предправе, в т. ч. – в противопоставлении двух Правд – двух Дике в ранней греческой трагедии. Как и в других индоевропейских традициях, различие Правды и Кривды символизировалось в конкретных понятиях правого – левого, прямого – изогнутого (что сказывалось в роли имён, производных от соответствующих обозначений: греч. Лаий как “левый”, слав. Крив и т. п.).

Соответственно в русской мифологии и культуре, а также в фольклорных текстах сохраняются предправовые формулы типа “даю (правую) руку свою на отсечение”, “хоть правую руку отрубить”. Противоположные по значению

формулы, связанные с Кривдой, сохранены в былевом эпосе: *Как по кривде судить, да быть убитому.*

Сравним образы Правды и Кривды в русских пословицах и поговорках [3]: *Правда в лаптях; а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах; Правда у Петра и Павла* (где в Москве был застенок, тюрьма – авт.); *Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла; Пришла правда не от Петра и Павла, а от Воскресения в Кадашах* (намек на московскую голову (главу исполнительной власти) Шестова, 1845); *За правду Бог и добрые люди; Кто правду хранит, того Бог наградит; Кто правды желает, тому Бог помогает; Кто правого винит, тот сам себя язвит; И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а нигде ее нет* (представления о социальной справедливости и общественном устройстве в России и в мире – доступной славянскому мировидению ойкумене); *Суд правый кривого дела не выправит* (прибавка: *а кривой суд правое скривит* (о судебной системе)). Сравним: *На деле прав, а на дыбе* (т. е. на пытке) *виноват* или *На деле прав, а на бумаге виноват.*

Для раннего славянского поэтического и предправового сознания выстраивается ряд совмещенных противопоставлений: Правда и Кривда, правый суд – неправый суд, жизнь – смерть. При вероятном наличии индоевропейских предправовых истоков (где в древнейшей форме правда обозначалась причастием на *-nt от корня *es, “быть истинным”, ср. рус. “суть”, “истинная правда, сущая правда”; др.-инд. satya-, хетт., asant-, “сущий, истинный”; др.-англ. sor, отсюда англ. sooth и т.п.) на мифологический сюжет спора Правды и Кривды в славянской и других индоевропейских традициях могли оказать влияние и распространённые в древневосточной литературе (древнеегипетской, хурритской, хеттской и др.) сюжеты, описывающие спор Правды и Кривды и двух людей (часто братьев – доброго и злого (ср. с Каином и Авелем)), воплощающих противоположные начала дуалистического мифа, на что, в частности указывают Иванов В. В. и Топоров В. Н. [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А. Н. Мерлин и Соломон : избранные работы / Александр Николаевич Веселовский. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс ; СПб. : Terra Fantastica, 2001. – С. 212–217.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское и балканское языкознание. – М. : Наука, 1978. – С. 219–234.
3. Пословицы русского народа / Владимир Иванович Даль. – М. : Художественная литература, 1989. – 1392 с.
4. Правда и Кривда // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3-х т. – М. : Наука, 1984. – Т. 1. – С. 152–163.